СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. А. МАКСИМОВИЧА.

ТОМЪ I.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ.

КІЕВЪ.

Типографія М. П. Фрица, на большой Владимірской ул., въ собственномъ домѣ.

1876.

О МНИМОМЪ ЗАПУСТѢНІИ УКРАИНЫ ВЪ НАШЕСТВІЕ БАТЫЕВО И НАСЕЛЕНІИ ЕЯ НОВОПРИШЛЫМЪ НАРОДОМЪ. [1])

(Письмо М. П. Погодину).

Пора намъ прекратить споръ нашъ, въ Русской Бесѣдѣ, хоть перемиріемъ! Въ моихъ *Филологическихъ* и двухъ *Отвѣтныхъ* письмахъ, сказано уже все, что я намѣренъ былъ объяснить тебѣ о предметѣ нашего спора съ его *филологической* стороны; и если ты не возвратился къ прежнему понятію, которое старался я оправдать, если ты погрязъ въ своемъ повомысліи, изъ котораго я надѣялся тебя вызволить, то въ этомъ уже твоя воля, не моя вина. Ты въ «Отвѣтахъ» своихъ сознаешься, что ты—«не филологъ, а историкъ», что «филологія не твое дѣло»: и это справедливо; отъ этого-то и происходитъ особенность нѣкоторыхъ твоихъ утвержденій о языкѣ, противъ которыхъ и возражать не для чего. Надѣюсь, что г. Бодянскій—«законный судья» въ этомъ дѣлѣ—не откажется исполнить твое прежнее и мое нынѣшнее желаніе: выскажетъ свое мнѣніе о языкѣ Несторовой и послѣдующихъ Южнорусскихъ лѣтописей, и тѣмъ порѣшитъ нашъ споръ, съ *филологической* стороны. Тогда намъ можно будетъ приступить и къ заключенію вѣчнаго мира, который будетъ, какъ говорили въ древности, стоять до рати!

Во второмъ Отвѣтномъ письмѣ моемъ, я говорилъ съ тобою, какъ съ *историкомъ*; и хочу еще поговорить о предметѣ нашего спора—въ отношеніи *историческомъ*, увлекаясь на то любезнымъ заключеніемъ твоего втораго Отвѣта, что

---

[1]) Русская Бесѣда 1857 г. кн. IV, стр. 22–35.

«говорить дѣло о дѣлѣ»—ты «всегда радъ» и со мною «еще болѣе, чѣмъ со всякимъ другимъ, но безъ предубѣжденій». Поговоримъ же—и, во первыхъ, о томъ историческомъ *предубѣжденіи*, которое нынѣ стало твоимъ *убѣжденіемъ*: о запустѣніи Кіевопереяславской земли или Украины въ нашествіе Батыево, и заселеніи ея новопришлымъ народомъ.

Признаюсь, что отъ тебя особенно, какъ *историка*, я надѣялся новаго свѣта на темное для исторіи время Татарщины въ Кіевской землѣ, т. е. на два сорока лѣтъ, прошедшіе отъ Батыя до Гедимина; и надѣялся тѣмъ болѣе, что ты такъ рѣшительно распорядился Кіевскою землею на это время: вывелъ изъ нея коренныхъ обитателей, Полянъ, куда-то въ предѣлы Сѣверпорусскіе; а въ нее перевелъ новыхъ поселенцевъ изъ Карпатовъ! Во второмъ Отвѣтномъ письмѣ я сталъ говорить: «Исторія Кіевопереяславской земли, отъ Батыя до Гедимина, примолкаетъ, и это естественно...» Ты, перебивъ на этомъ мою рѣчь, возгласилъ: «примолкаетъ — но не для всѣхъ. Имѣяй уши слышати, слышитъ. Послушай-же!« Я подумалъ при этомъ, что вотъ тутъ-то будетъ мнѣ отъ тебя благовѣстіе неслыханное.... и что же? Ты съ такою важностью заставилъ меня прослушать отъ тебя все тѣ же извѣстные отрывки изъ Воскресенской лѣтописи и путешествія Плано-Карпини [1]); и ничего болѣе не далъ, на все восьмидесятилѣтіе Татарщины Кіевской! Дѣлать нечего; остановясь на приведенныхъ тобою отрывкахъ, я замѣчу тебѣ, что изъ нихъ совсѣмъ не видно предполагаемаго тобою *переселенія Полянъ изъ Кіевской стороны на Русскій Сѣверъ*, не видно и *запустѣнія Кіевопереяславской земли*, которое издавна въ такомъ ходу, у разныхъ писателей.

Воскресенская лѣтопись говоритъ о побѣгѣ князя Михаила въ Угры, а иныхъ въ *дальныя страны*: очевидно, въ страны не Русскія, а тѣ, въ которыхъ набѣдовался князь Михаилъ, и воротился въ Кіевъ. (Но вѣдь эти, бѣжавшіе на чужбину—горстка, въ сравненіи съ цѣлымъ народонаселеніемъ,

---

[1]) Еще недавно, во 2-й книгѣ Записокъ Кулиша, г. Руликовскій доказывалъ опустѣніе Украины въ нашествіе Батыево, основываясь только на словахъ Плано-Карпини.

изъ которой впрочемъ частица (хотя и *ничтожная*, по твоему) все таки воротилась тогда же.

Воскресенская лѣтопись упоминаетъ далѣе о немилостивомъ избіеніи Татарами *затворившихся въ градѣхъ*. Вотъ это и есть собственно *опустошеніе* Татарами Русскихъ областей, всѣхъ равно, по которымъ только проходили; въ городахъ собственно и гибло народонаселеніе Русское, сопротивлявшееся Татарамъ. Сюда наиболѣе относится и извѣстіе Плано-Карпини, что «*большая часть* Руссовъ была побита или уведена въ плѣнъ Татарами». Наши князья, будучи *въ волѣ Татарской*, сами принуждены бывали разорять свои города, на примѣръ, Волынскіе и Галицкіе, 1261 года. Но вѣдь города, не смотря на потерпѣнное разореніе, не пропадали, а возобновлялись, какъ въ Суздальской, Волынской, Галицкой земляхъ, такъ и въ Кіевской. Татаре 1240 года побили *всѣхъ* Кіевлянъ «*отъ мала и до велика*» (говоритъ Суздальскій лѣтописецъ). Однако черезъ шесть лѣтъ, когда былъ Плано-Карпини въ Кіевѣ, тамъ, по его словамъ, были и *тысяцкій*, и *бояре Кіевскіе*, и около 200 дворовъ жителей. И такъ городъ Кіевъ продолжался. Въ 1300 году «весь Кіевъ разбѣжался»; однако онъ опять сбѣжался. (Та же исторія, какъ и съ городами земли Суздальской, Волынской, Галицкой). Въ разореніе Кіева Батыемъ, разоренъ былъ *Печерскій монастырь;* однако черезъ всѣ 80 лѣтъ Татарщины продолжался непрерывный рядъ семи игуменовъ Печерскихъ; въ томъ числѣ были и краснорѣчивый, зѣло учительный *Серапіонъ*, поставленный въ епископы Владиміро-Суздальскіе (1274 г.), и *Акакій*, бывшій (1288 г.) во Владимірѣ-Волынскомъ, на погребеніи набожнаго князя Владиміра. Въ разореніе Кіева Батыемъ разоренъ былъ и *Выдубицкій монастырь*; и пишутъ намъ, что онъ послѣ того долго впустѣ лежалъ; однако мы знаемъ, что *недолго*, — что черезъ шесть лѣтъ, князь Данилъ, по пути къ Батыю «пришедъ въ домъ архистратига Михаила, рекомый Выдобичъ, и созва калугеры и мнискій чинъ, и рекъ *игумену и всей братьи*, да сотворятъ молитву о немъ; сотвориша, да отъ Бога милость получитъ; и бысть тако; и падъ предъ архистратигомъ Михаиломъ; изыде изъ монастыря

въ лодьи» (*Вол. Лѣт.* подъ 1250 г.). Достаточно ли тебѣ, на первый разъ, этихъ указаній о Кіевѣ?

Ты указываешь мнѣ особенно на слова Плано-Карпини, что *Канова*, т. е. *Каневъ* зависѣлъ *непосредственно отъ Татаръ*.

Я въ этому, пожалуй, прибавлю еще и сосѣдній городъ—*Переяславъ:* «и пріиде (Даніилъ) Переяславлю, и срѣтоша Татарове» (*Вол. Лѣт.*). Отсюда видно только, что въ этихъ городахъ распоряжались тогда Татаре; но нисколько не видно *запустѣнія* Украины; не видно того именно, что ты выводишь мнѣ отсюда: будто «Кіевопереяславскіе Поляне искали себѣ убѣжища и спасенія *на сѣверѣ*»! И откуда же это видно?—Ты называешь теперь *Полянъ — Великороссіянами*, говоришь мнѣ объ ихъ уходѣ на сѣверъ—«изъ-подъ перваго, такъ сказать, удара новыхъ, сильныхъ враговъ». Но если предполагать сколько нибудь единства въ народномъ *характерѣ Великороссійскомъ*, тогда и въ странѣ твоихъ «Кіевскихъ Великороссіянъ» (Полянъ) можно бы предполагать такое же явленіе, какое было въ странѣ Великороссіянъ Суздальскихъ, тоже испытавшихъ на себѣ «первый ударъ новыхъ, сильныхъ враговъ». Но отъ чего же въ Суздальской землѣ, — послѣ того, какъ въ 1239 году «бысть пополохъ золъ по всей земли, не вѣдяху и сами кто гдѣ бѣжитъ» (Троиц., Суздал. Лѣт.), не смотря и на послѣдующія разоренія отъ Татаръ (на примѣръ, на новое взятіе 14-ти городовъ 1293 года) — отъ чего Суздальская земля осталась населенною своими туземцами, а твои «Кіевскіе Великороссіяне» послѣ такого же *пополоху*—покинули свой родимый край, и убрались безвозвратно куда-то на сѣверъ?... Вотъ каковы у тебя—*Поляне!*

Наконецъ, въ приведенномъ тобою отрывкѣ изъ Воскресенской лѣтописи, говорится: «а иже крыяхуся въ пещерахъ, и въ горахъ, и въ лѣсахъ, *мало тѣхъ остася*». Эти слова все таки не говорятъ ни о конечномъ запустѣніи Кіевопереяславской страны, ни о переселеніи древняго и коренпаго народа ея *на сѣверъ*. Мало остася!... Но въ Волынской лѣтописи находятся выраженія посильнѣе. Въ 1283 году Татаре Телебугины «*учиниша пусту землю Володимерьскую*». Далѣе: «и стояша на Львовѣ землѣ 2 недѣли, кормячесь, не воюючи;

и не дадяхуть ни изъ города вылѣзти въ зажитье; кто же выѣхашеть изъ города, овы избиваша, а друзіи поимаша; а иныя, излупивше, пущаху наги, а тіи отъ мороза изомроша, зане бысть зима люта вельми; и *учиниша землю пусту всю*... измре въ городѣхъ во остою *бесчисленое множьство*, друзіи же *изомроша въ селѣхъ*, вышедшіе изъ городовъ по отшествіи беззаконныхъ Агарянъ.... Левъ князь сочте колко погибло во его землѣ людій: што поимано, избито, и што ихъ Божіею волею изъмерло, *полтретьинадесять тысячи*». Видишь ли, не смотря на *безчисленное множество* только умершихъ въ осадѣ, на учиненіе *пустою всей земли*—оказалось на повѣрку всего на всего — 12½ тысячъ погибшихъ, въ томъ числѣ и полоненныхъ; и въ *опустошенныхъ* тогда татарами земляхъ Владимірской и Львовской оставалось населеніе столь значительное, что для князей было кѣмъ воевать и сосѣдей и другъ друга.—Гиперболическихъ выраженій лѣтописца не слѣдуетъ принимать всегда въ буквальномъ смыслѣ, и особенно для такихъ заключеній, каково—опустѣніе и безлюдье Кіевопереяславской земли. Постоянная людность земель Суздальской, Волынской, Галицкой, при всѣхъ разореніяхъ отъ Татаръ, при всей *волѣ Татарской* въ то время надъ Русью, не дозволяетъ намъ допускать обезлюденья и въ землѣ Кіевопереяславской. Когда Батый прошелъ отъ Кіева до Галича, разоривъ много городовъ—«имъ же нѣсть числа»—земля позади его не осталась *безлюдною;* и онъ, конечно, зналъ это, если Димитрій тысяцкій Кіевскій могъ говорить ему: «земля ти есть сильна; сберуться на тя, и не пустять тебе въ землю свою»! [1]).

---

[1]) Эти слова изъ *Волынской лѣтописи* заимствованы въ позднѣйшую Воскресенскую лѣтопись, вмѣстѣ съ другими выраженіями о нашествіи Батыя на Кіевъ, Волынь и Галичъ (лѣтописи Суздальская и Троицкая ими не воспользовались). Потомъ, листовъ черезъ шесть, Воскресенская лѣтопись, приступивъ къ подробному описанію убіенія Михайлова, повторяетъ нѣчто изъ написаннаго уже выше, и прибавляетъ *отъ себя* слова, приведенныя тобою мнѣ, заключая такъ: «*Мало тяхъ остася;* тѣхъ же не по колицѣхъ временехъ оставиша во градѣ, сочтоша я въ число, и начаша на нихъ дань имати». Можно ли же такими словами позднѣйшаго Сѣверно-Русскаго лѣтописца доказывать столь отважную гипотезу, какъ *запустѣніе* Кіевской земли въ нашествіе Батыево! — Такъ и слова Карпини о избіеніи и полоненіи Татарами *большей части* Руссовъ, относятся не собственно къ землѣ Кіевской, а ко всей Южной Руси, по которой онъ проѣхалъ отъ князя Василька, изъ Владиміра-Волынскаго въ Кіевъ. А потому изъ тѣхъ словъ можетъ быть выводимо заключеніе о запустѣніи *Кіевской* земли на

Города и села были разоряемы Татарами, и вновь строились; люди разбѣгались, и вновь сходились въ свои города и села: такая тревожная жизнь была долею многострадальной Украины на нѣсколько вѣковъ и послѣ того, какъ съ отвоеваніемъ Кіевской земли Гедиминомъ у Татаръ (1320 г.), минулась ихъ воля; но ихъ набѣги продолжались изъ вѣка въ вѣкъ, казалось, нескончаемо. Народъ Украинскій, такъ же какъ и Волынскій, и Галицкій, убывалъ сотнями и тысячами, отъ схватокъ съ Татарами, отъ хищнаго полоненія ими; однако народонаселеніе Украины, такъ же какъ и Волыни и Галича, все продолжалось по прежнему, какъ продолжается донынѣ, въ стародавнихъ городахъ и селахъ, пріумножавшихся новонаселенными. Я не вижу, и ты не указалъ мнѣ, даже слѣда того посполитаго переселенія Полянской, Кіевопереяславской Руси *на Русскій сѣверъ*, въ 80-лѣтіе Татарщины, о которомъ толкуешь ты, въ своей Новороссійской системѣ. А что ты, въ дополненіе къ помянутымъ отрывкамъ изъ Воскресенской лѣтописи и Плано-Карпини, указываешь мнѣ на вызваннаго Московскимъ княземъ на службу *Кіевскаго* вельможу Родіона Нестеровича, вышедшаго съ 1700-ми княжатъ и дѣтей боярскихъ, то это было 1332 года, уже послѣ Татарщины Кіевской, уже изъ-подъ власти Литовской. И такъ, это не относится къ посполитому переселенію Полянъ въ сѣверную Русь, во избѣжаніе тяготы Татарской. Этотъ выходъ Нестеровича свидѣтельствуетъ о значительной населенности Кіевской стороны въ первую половину XIV-го вѣка; но онъ не имѣетъ вліянія на нашъ вопросъ, такъ же, какъ не имѣетъ его, по твоему, выходъ Подольской Руси въ Карпаты, бывшій того

столько жъ, не болѣе, какъ и земли *Волынской*. Прійми въ соображеніе и то, что Плано-Карпини отъ *первой Татарской заставы*, на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ кочевалъ Куремша,—ѣхалъ до Кіева (на обратномъ пути *шесть* дней. На этомъ разстояніи, и ниже селенія *Кановы* (Канева) были подобныя же селенія (villae), изъ которыхъ въ одномъ былъ тогда начальникомъ *Михей*, провожавшій путешественника до первой Татарской заставы. Это было, очевидно, на пространствѣ между рѣками *Росью* и *Тясминомъ*, которое въ XII-мъ вѣкѣ принадлежало уже къ Кіевскому княжеству и на которомъ были уже города и селенія Русскіе, въ томъ числѣ и *Боровый* (впослѣдствіи *Боровица*). А ты, въ изслѣдованіяхъ своихъ, границею Кіевскаго княжества, полагаешь р. *Рось*. Прибань до р. *Тясмина!* Тамъ былъ въ древнее время и Русскій монастырь—*Мотренинскій*, въ которомъ трапезную церковь освящалъ Переяславскій епископъ *Павелъ*, около 1200 года. Вотъ тебѣ еще одна новость о нашей старинѣ!

же XIV-го вѣка, подъ знаменемъ Каріатовичей; наконецъ, по твоей новой системѣ, выходцы Нестеровичевы должны принадлежать не къ древнимъ Полянамъ, а къ твоимъ новопришлымъ Карпатцамъ.

По твоей Новороссійской системѣ выходитъ, что старобытный народъ Кіевопереяславской земли уходитъ изъ нея навсегда, куда-то въ сѣверную Русь «изъ-подъ перваго, такъ сказать, удара» Татарскаго; а Карпатцы твои нарочно идутъ, на мѣсто Полянъ, чтобы подклонить свои головы подъ ярмо Татарское. Вотъ каковы у тебя *Карпатцы!*

Да и какое есть у тебя свидѣтельство историческое на это переселеніе Малороссіянъ изъ Карпатовъ на Днѣпръ, въ вѣкъ Татарщины? Ты не представилъ мнѣ даже и намека историческаго на это переселеніе. И не есть ли оно у тебя столь же произвольная *выдумка*, какъ у другихъ—заселеніе опустѣлой Украины «бѣглецами Литовскими!»—Тутъ я докончу вышепомянутую рѣчь моего «Отвѣта», прерванную тобою на словѣ: *примолкаетъ*.... «Но эта мгла Татарскаго вѣка не должна служить мутною водою для рыболовства, на кормленіе всяческихъ историчечкихъ выдумокъ. По отрывочнымъ извѣстіямъ, какія сохранились о томъ вѣкѣ Татарщины, видно, что въ Кіевопереяславской Руси продолжался все тотъ же народъ, и тотъ же старый бытъ народный, въ прежнихъ городахъ и селахъ.».

Что же касается до Тиверцовъ, Болоховцевъ, Дулѣбовъ, то я указалъ тебѣ на нихъ и предоставилъ тебѣ забрать ихъ себѣ, но только подъ условіемъ: «аще совѣсть не зазритъ»—и только на тотъ случай «если тебѣ уже непремѣнно хочется пополнить Великороссійское населеніе переселенцами съ Русскаго юга, по нашествіи Батыевомъ». Понимаешь? А ты и радъ случаю, и безъ зазрѣнія исторической совѣсти забираешь къ себѣ на сѣверъ Тиверцевъ, Болоховцевъ, даже Дулѣбовъ, по нашествіи Батыевомъ.... Поздравляю! Между тѣмъ сообщу тебѣ, что остатки необъясненныхъ еще *Болоховцевъ*, по старинамъ актамъ—оказываются переходящими на житье въ предѣлы Кіевскаго воеводства, въ XVI-мъ вѣкѣ.

Припомню еще тебѣ, что Украинцы назывались у Сѣверинъ *Полянами* и въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Лѣтъ за 12, когда ты, даже и въ Изслѣдованіяхъ своихъ, раздѣлялъ и поддерживалъ наше мнѣніе, что «Поляне были *Малороссіяне*», ты въ Москвитянинскомъ отвѣтѣ своемъ называлъ мнѣ *Малороссіяниномъ* даже Андрея Боголюбскаго. Это, конечно, было напрасно; ибо князь Андрей, питомецъ и любитель земли Суздальской, не представляетъ въ себѣ ничего малороссійскаго. Теперь, когда у тебя древніе Поляне признаны уже за *Великороссіянъ*, теперь у тебя не только Мономахъ есть «характеръ чисто Великороссійскій», но и обо всѣхъ трехъ стахъ князей Русскихъ до Татарскаго времени ты говоришь мнѣ *рѣшительно:* «это все *Великороссіяне!*» Вотъ это другая крайность: какъ будто ты никакъ не можешь обходиться въ наукѣ безъ крайностей и односторонности! Но ты напрасно говоришь, будто сіе новое твое утвержденіе о *Великороссіянствѣ* всѣхъ Древнерусскихъ князей явилось у тебя «*на основаніи знанія*» — о различіи между характеромъ Великороссійскимъ и Малороссійскимъ. Нѣтъ, это знаніе еще такое неопредѣленное и для тебя самого такое сбивчивое, что на немъ собственно не можно было основать столь смѣлаго заключенія обо *всѣхъ* князьяхъ, особенно тебѣ, которому *Норманство* Рюрика видится и во внукахъ и въ правнукахъ его. Ты говоришь еще, что къ своему *рѣшительному* заключенію о князьяхъ: «это все Великороссіяне» — ты пришелъ «пройдя жизнь трехъ-сотъ удѣльныхъ нашихъ князей, вдоль и поперекъ». Не воображай себѣ однако, чтобы пройденная тобою *жизнь* князей дала тебѣ такой выводъ! Запасъ лѣтописнаго сказанія о жизни князей извѣстенъ весь; изъ него очень видно, на сколько можно изъ него прямо и непосредственно выводить характеристику каждаго изъ трехъ сотъ князей. Если уже можно различіе Русскаго племени — на Великую, Малую, Бѣлую Русь, распространять и на племя Древнерусскихъ князей нашихъ, то это можно только на соображеніи: въ какой Русской области выростали и княжили какіе князья,— допуская народное вліяніе на нихъ туземства. На этомъ основаніи, никакъ нельзя обо всѣхъ князьяхъ говорить рѣши-

тельно: «это все *Великороссіяне*». Съ достаточнымъ вѣроятіемъ и правомъ ты можешь говорить это только о князьяхъ, выроставшихъ и княжившихъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ народонаселеніе было издревле *Великороссійское*, напримѣръ, о князьяхъ Суздальскихъ, начиная хоть съ Андрея Боголюбскаго. Но князей, выроставшихъ и княжившихъ въ землѣ Волынской, Галицкой, гдѣ и ты все еще признаешь народонаселеніе *Малороссійское* издревле, этихъ князей и тебѣ слѣдуетъ признать—за *Малороссіянъ*. Наконецъ, племя Полоцкихъ князей надо признать за *Бѣлоруссовъ*, если ты признаешь особенность *бѣлорусской* народности еще въ древнее время (чего и не признать, кажется, не можно). А князей, выроставшихъ въ Переяславѣ и Кіевѣ, ты можешь себѣ считать *Великороссіянами*, пока будутъ у тебя считаться Великороссіянами наши Южнорусскіе Поляне. Вотъ ограниченіе, какое, мнѣ кажется, надо положить твоему нынѣшнему наведенію Великороссіянства на всѣхъ Древнерусскихъ князей.

P. S.—По содержанію твоего втораго Отвѣта, я не могу не замѣтить въ тебѣ перемѣны, какой и не предполагалъ я, живя отшельникомъ въ моей Надднѣпровской глуши и вступая съ тобою въ ученый споръ. Ты, при отходѣ Москвитянина въ царство мертвыхъ, уже прибѣгаешь къ той методѣ, которую ты называлъ мнѣ «телеграфскою»: ты иногда переиначиваешь мои слова и придаешь мнѣ не мои понятія; вмѣсто того, чтобы опрокинуть меня или самому отступить, ты нерѣдко отводишь споръ въ сторону, заговариваешь не объ томъ, въ чемъ дѣло, лишь бы какъ нибудь показаться правымъ или одолѣвшимъ. Приведу тебѣ четыре примѣра, если ты, играя въ свое любимое сравненіе Славянскаго племени съ растасованною колодою картъ, все еще требуешь отъ меня «*тузовъ-доказательствъ*» — не довольствуясь прежними.

Примѣръ 1. — Въ доказательство, что Малороссійскіе лѣтописцы древніе и новые переводили *живыя* рѣчи своихъ героевъ на языкъ *Церковнославянскій*, я привелъ тебѣ, между прочимъ, весьма извѣстныя [1]) слова Игоря Святославича:

[1]) Ими пользовался и г. Мей, въ своемъ переводѣ Игоревой Пѣсни.

«тайны Божія никто же вѣсть». Ты въ Отвѣтѣ своемъ вотъ что сказалъ на это: «Что касается до рѣчи Игоревой *въ Кіевѣ* (тайны Божія никто же вѣсть), то подъ 1186 г. я не нахожу ея: не записалъ ли ты ея въ первую эпоху историческихъ занятій въ 1820—1821 году?»

Ты ли говоришь это, поставляющій себя мнѣ въ примѣръ *безпристрастія*, говорящій, что и въ своихъ отвѣтахъ мнѣ—ты имѣешь въ виду преимущественно *молодыхъ* друзей науки! Вѣдь ты хорошо знаешь, что Игорева рѣчь была у рѣки *Донца*, 1 мая 1185 года. За чѣмъ же ты поставилъ: *въ Кіевѣ*? За чѣмъ говоришь: «не нахожу ея подъ 1186 годомъ»—когда ты долженъ былъ найти ее подъ 1185 годомъ, на 130 страницѣ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей* т. II? Я записалъ тебѣ слова Игоревы не въ 1820 — 21 году (когда мы были студентами), а въ 1857 году когда мы съ тобою давно уже отстали и отъ профессорства); вмѣсто немудрой цитаты на 130 страницу и 1185 годъ, я написалъ тебѣ вотъ что: «такъ и лѣтописецъ Кіевскій, полагаю въ 1186 году, когда Игорь, *воротившійся изъ плѣна* въ свой Новгородъ-Сѣверскій, *въ Кіевъ*, передалъ живую рѣчь его по-церковно-славянски...» Тутъ я тебѣ, какъ историку-изслѣдователю, передалъ мое замѣчаніе, что у Кіевскаго лѣтописца, хотя весь походъ Игоря, и плѣнъ его, и пріѣздъ въ Кіевъ послѣ плѣна, помѣщены подъ однимъ 1185 годомъ, но писалъ онъ это позднѣе «*полагаю 1186 года*», когда Игорь пріѣзжалъ *въ Кіевъ* къ Святославу и Рюрику. Этимъ замѣчаніемъ я хотѣлъ, собственно тебѣ, дать знать, что, въ твоемъ Словарѣ Князей, возвращеніе Игоря изъ плѣна и посѣщеніе Кіева—напрасно положены въ 1185 году, и только потому, что въ Кіевской Лѣтописи положено такъ. Ты не разобралъ, что вторая половина событій съ Игоремъ относится къ 1186 году, и мое замѣчаніе преклонныхъ лѣтъ ты отнесъ къ годамъ юности... «А чи диво ся, братіе, стару помолодити»! Также точно ты не разобралъ, что набѣгъ Игоря на Половцевъ за р. Мерломъ относится къ 1184 году, и поставилъ его, при четырехъ князьяхъ — подъ 1183 годомъ, даже съ поправкою на *1182!* А что въ лѣтописи весь походъ Игоря на Каялу,

бывшій 1185 года, описанъ позднѣе этого года (полагаю 1186-го), на это приведу тебѣ еще вотъ какую примѣту. Описывая побоище на Каялѣ *1185* года *5 мая* (такъ я опредѣлилъ, сличеніемъ Кіевской лѣтописи съ Игоревою Пѣснію), лѣтописецъ говоритъ: «тогда же на полчищи Кончакъ поручися по *свата* Игоря» (стр. 131). А они *сватами* тогда еще не были; Игоревичь женился на Кончаковнѣ уже послѣ побѣга отца своего изъ плѣна (см. конецъ Игоревой Пѣсни); ясно, что лѣтописецъ, называя Игоря Кончаковымъ *сватомъ*, описывалъ происшествіе послѣ. Укажу тебѣ еще бо́льшій анахронизмъ въ Кіевской лѣтописи подъ тѣмъ же 1185 годомъ: Рюрикъ названъ «великимъ княземъ»; ясно, что прибавка принадлежитъ позднѣйшему почерку пера, бывшему уже по смерти Святослава Всеволодовича.

Примѣръ 2. — Когда ты, въ духѣ и манерѣ покойныхъ скептиковъ, заговорилъ (въ письмѣ къ Срезневскому), что Несторъ не могъ знать и писать *по-церковнославянски*, я указалъ тебѣ на писавшихъ и знавшихъ у насъ по-церковнославянски прежде Нестора, особенно на діакона Григорья и дьяка Іоанна. Ты сперва возразилъ мнѣ, что они «переписывали, а не писали». Я указалъ тебѣ на послѣсловія, которыя они *писали*, и которыя для филологовъ очень важны. Ты на это возражаешь: «да *Малороссійскаго*-то нѣтъ въ нихъ ни слуху, ни духу — ни единаго слова»! Да вѣдь я тебѣ и указалъ на нихъ не въ доказательство *Малороссійскаго*, а во свидѣтельство умѣнья писать *по-церковнославянски*. Притомъ же, діаконъ Григорій былъ не Кіевлянинъ, а Новгородецъ; слѣдственно, тебѣ напрасно было искать въ немъ «слуху и духу Малороссійскаго»; въ немъ надо было искать слѣдовъ *Великороссійскихъ*, слѣдовъ нарѣчія Новгородскаго; и я тебѣ указывалъ на нихъ (см. Филологическія письма). Подобно тому, когда мнѣніе Срезневскаго о происхожденіи Малороссійскаго нарѣчія въ послѣ-татарское время — ты провозгласилъ *новостью неслыханною*, и укорилъ всѣхъ журналистовъ и профессоровъ Словесности за ихъ равнодушіе къ этой новости, отъ которой, по твоему, долженъ былъ взволноваться нашъ учено-литературный міръ, я, въ успокоеніе тебя, замѣтилъ,

что это мнѣніе не новое, что оно было у насъ давно въ ходу, и показалъ это выписками изъ Граматина, Греча, Сахарова, даже Симоновскаго. Тебѣ надо было сознаться, что ты ошибся, выдавая старое мнѣніе за *неслыханную новость;* въ этомъ все дѣло. Но ты, вмѣсто сознанія своей ошибки, придумалъ отвѣчать вотъ что: «утвержденія Симоновскаго, Сахарова, Граматина и Греча объ относительной новости Малороссійскаго нарѣчія, по безъотчетности своей и отсутствію всякой ученой формы, никакъ не идутъ въ сравненіе съ Лавровскимъ и Срезневскимъ, которые представили филологическія доказательства, основанныя на законахъ языка». Послушай: дѣло только о *новости* и *неслыханности* этого мнѣнія. А достоинство его у Срезневскаго и Лавровскаго ты опредѣлилъ самъ, сказавъ, что оно *не вѣрно*. Для сущности дѣла, для истины, нѣтъ большой разницы въ томъ, что *невѣрное* мнѣніе ходило сперва за-просто, а теперь выступило съ важностью ученой формы и законности!

Примѣръ 3.—По содержанію и ходу нашего спора (котораго предметъ многосложный), во второмъ Отвѣтномъ письмѣ (котораго содержаніе все *историческое*)—я указалъ въ твоемъ Словарѣ князей поддюжины *ошибокъ* существенно важныхъ, и кромѣ того, далъ тебѣ новое и, надѣюсь, удовлетворительное объясненіе неразгаданной историческою критикою рѣчки *Съжицы*. Къ этому я побужденъ былъ твоимъ замапчивымъ вопросомъ: «Квитъ ли»? и моею готовностью воздать тебѣ седмерицею. Положимъ, что это съ моей стороны была уже излишняя щедрость; но отъ тебя, какъ ученаго изслѣдователя древней исторіи и географіи Русской и какъ автора Словаря князей, я въ правѣ былъ ожидать, что за поправки мои ты скажешь мнѣ: спасибо [1]), подобно тому какъ я объявилъ тебѣ мою благодарность за поправку моей обмолвки о князѣ *Юричѣ*. Но ты отвѣчалъ мнѣ вотъ что: «ты позабылъ только, что счетъ долженъ заключаться въ предѣлахъ статей объ языкѣ и залѣзъ въ мой Словарь. Не собралъ ли ты еще на досугѣ какихъ *опечатокъ* въ Москвитянинѣ за 15 лѣтъ, сообщи»....

[1]) Ты, въ предисловіи Словаря, говорилъ, что всякое указаніе на ошибки въ немъ, какъ бы оно ни было мало, примешь *съ благодарностью*.

При такомъ отвѣтѣ мнѣ вспомянулся твой знаменитый афоризъ: «родъ человѣческій идетъ *діагонально*»!

Не ты ли самъ зазвалъ меня въ Словарь твой, заговоривъ о немъ въ первомъ отвѣтѣ, дабы самому замолвить о немъ словцо, жалуясь на молчаніе о немъ всѣхъ библіографовъ Русскихъ! Такъ теперь ты заговорилъ о своемъ Москвитянинѣ, дабы самому восписать ему хвалу, жалуясь на какія-то «вражьи вопли»; а между тѣмъ, рѣчью объ Москвитянинскихъ опечаткахъ, ты отводишь отъ ошибокъ Словаря! Заключиться въ предѣлахъ статей объ языкѣ мнѣ нельзя было; ибо какъ въ твоемъ письмѣ къ Срезневскому «О древнемъ Русскомъ *языкѣ*», такъ и въ твоемъ первомъ отвѣтѣ на мои «Филологическія письма» содержится много соображеній *чисто-историческихъ*. Что касается до *опечатокъ* въ твоемъ Москвитянинѣ, то я встрѣчалъ ихъ множество, только ихъ не отмѣчалъ. По твой Словарь князей я читалъ съ карандашемъ въ рукѣ, и отмѣтилъ *болье полусотни*—не опечатокъ, а настоящихъ *ошибокъ* и *неисправностей* въ постановкѣ годовъ и именъ собственныхъ. Если хочешь, я сообщу тебѣ со временемъ мои поправки Словаря, который я очень люблю, и желаю ему всевозможнаго совершенства.

Примѣръ 4.—Недоумѣніе твое, почему у Малороссійскаго народа не воспѣвается нынѣ князь Володимеръ, наравнѣ съ героями козаччины, я разрѣшилъ тебѣ, кажется, удовлетворительно — тѣмъ, что «у народа Малороссійскаго, которому вмѣстѣ съ Кіевомъ достались и священные остатки Володимера подъ развалинами его Десятинной церкви, онъ запечатлѣлся второю половиной своей великой жизни, какъ *Святый Володимеръ*, какъ *Равноапостольный князь*» (см. Фил. письма). Отъ того-то у Малороссійскаго народа нынѣ князь Володимеръ воспѣвается на ряду съ другими святыми лицами, какъ въ церковныхъ пѣсняхъ, такъ и въ стихахъ, называемыхъ *набожными*. Но я говорилъ тамъ же (въ Фил. письмахъ): «нельзя и сомнѣваться, что *въ Кіевѣ*, на пирахъ Володимеровыхъ, пѣлись пѣсни и Малороссійскими и Великороссійскими пѣвцами». Тамъ же: «Что сказанья и пѣсни о пирахъ Володимеровыхъ и другихъ его похожденіяхъ были *и здѣсь*

на Украинѣ въ древнее время, то видно *изъ лѣтописи нашего Нестора*, гдѣ говорится»... (указаны слова Нестора о единоборствѣ Переяславскаго отрока, о *Кіевскихъ пирахъ*).

Какъ же переиначено мое мнѣніе во второмъ твоемъ отвѣтѣ! «Ты объясняешь тѣмъ, что пѣсни о Володимерѣ, какъ ласковомъ гостепріимцѣ, произошли изъ Новгорода»... Да, я такъ думаю о пѣсняхъ *Великороссійскихъ*, разумѣя древнѣйшія между ними, первопачальныя. — «А *въ Кіевѣ* онъ былъ славенъ, де, *только своею святостію*». Нѣтъ, я не говорилъ этого, я говорилъ не это! И какъ странны для меня дальнѣйшія твои слова: «Помилуй! да пиры-то Володимеровы гдѣ описаны? Пиры Володимеровы описаны, кромѣ пѣсенъ, въ Кіевской лѣтописи, *у Нестора. Послушай-ка его*»! И ты выписываешь мнѣ сполна тѣ самыя слова Нестора о пирахъ Кіевскихъ, на которыя я тебѣ указывалъ въ Филологическихъ письмахъ, и прибавляешь: «стыдись такого натянутаго объясненія»! (То есть, *натянутаго* тобою объясненія)!

Не лучше и весь твой финалъ о лѣтахъ Володимерова княженія въ Новгородѣ. Въ моихъ письмахъ я назвалъ оное *десятильтіемъ*, означая крайними годами: съ *970* по *980*. Тебѣ не для чего было и привязываться къ этому; ибо и самъ ты, въ Словарѣ князей, въ спискѣ князей по удѣламъ, гдѣ означаются иногда полугодовые и даже меньшіе перерывы въ княженіяхъ, ты также поставилъ въ *Новгородѣ*: «Володимеръ Святославичь... 970—980» (стр. XXXII). Но во второмъ отвѣтѣ своемъ, ты вздумалъ высчитывать у Владиміра годы изъ его *десятильтняго* княженія въ Новгородѣ и говоришь мнѣ: «И какихъ *десять* лѣтъ считаешь ты въ Новгородѣ»? Припомянувъ мнѣ о побѣгѣ Владиміра за море и походѣ на Рогволода Полоцкаго, ты продолжаешь: «сколько же остается Владиміру быть въ Новгородѣ? Лѣтъ *пять*—и какія же *пять* лѣтъ? Лѣта — *отрочества*, когда *никакого гостепріимства* не могло еще въ немъ обнаружиться».

Послушай! Если уже ты вздумалъ высчитывать лѣта, проведенныя въ отлучкахъ изъ Новгорода, то надо было сдѣлать это вѣрно. А ты вычелъ у Владиміра *два* года лишнихъ! Вѣдь онъ началъ княжить въ Новгородѣ съ *970* года, а бѣ-

жалъ за море *977*-го, слѣдовательно черезъ *семь* лѣтъ своего княженія въ Новгородѣ. Какъ же ты назначаешь всего *пять* лѣтъ? А что Владиміръ бѣжалъ къ Варягамъ черезъ *семь* лѣтъ своего Новгородскаго княженія, то видно и по твоему Словарю: «977. Услышавъ объ убіеніи брата *Ярополка*, бѣжалъ за море» (стр. 9). Тутъ, вмѣсто брата *Ярополка*, поставить слѣдовало: брата *Олега!* Между тѣмъ, воротясь съ Варягами, Владиміръ «*сѣде* въ Новгородѣ» — потому разумѣется, что онъ все еще *былъ—князь Новгородскій* (980 года); пошелъ онъ на Полоцкаго князя съ Варягами и Новгородскими славянами, тоже, какъ *Новгородскій князь*. И взялъ онъ тогда себѣ женою Рогнѣду Рогволодовну. Припомни, вслѣдъ за тѣмъ, Грекиню Ярополковую, и прочая.

Ясно что Владиміръ былъ уже возмужалый и для важныхъ подвиговъ и для супружества; а ты представляешь его въ такомъ *отрочествѣ*, что не могло еще въ немъ обнаружиться «никакого гостепріимства»! И говоришь мнѣ въ заключеніе»: *слѣдовательно*—не слишкомъ ли *отважно* ты спрашиваешь у меня—нѣтъ ли еще какого недоразумѣнія? Есть, но справься прежде съ *данными!* — Итакъ — все еще *есть* у тебя *недоумѣніе!* Отваживаюсь спросить: какое же именно? На этомъ вопросѣ я прекращаю всю мою съ тобою ученую распрю, и въ заключеніе скажу словами нашихъ древнихъ междоусобствовавшихъ князей: «Мы есмы не Угре ни Ляхове; но единаго дѣда есмы внуци!»

Vale et nos ama!

Москва, 22 сент., 1857 г.